

In: Кароляк, Ст. (ред.): 1995, *Семантика и структура славянского вида* I, 1-26.
Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1995.

ТРЕХСТУПЕНЧАТАЯ МОДЕЛЬ ИНВАРИАНТА СОВЕРШЕННОГО ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

АДРИАН БАРЕНТСЕН (ADRIAN BARENTSEN)

1. За последние десятилетия количество работ по общей и русской аспектологии значительно возросло. Картина функционирования русских видов в разных контекстах становится все более детальной. Мы также больше знаем о взаимоотношениях между видовыми и лексическими значениями и о взаимосвязях категории вида с другими грамматическими категориями (см. работу Пупынина о связях категорий вида и залога, 1990: 33-49).

К сожалению, незаметно, чтобы разногласий, касающихся ряда основных вопросов, стало меньше. Мы имеем в виду прежде всего определение инвариантного значения видов и связанный с ним вопрос о характере видового противопоставления. В литературе подвергаются сомнению не только отдельные определения инварианта, но даже сама возможность или необходимость его создания (напр. Гловинская 1982, Тимберлейк 1985). Однако, по нашему мнению, не стоит отказываться от попыток определить инвариант русских видов. Необходимо найти то общее, что лежит в основе самых различных случаев употребления той или иной видовой формы, чтобы естественным образом организовать накапливаемый при исследовании видов материал и добиться необходимой объяснительной силы в описании функционирования этой категории (см. также работу Шатуновского (1992: 55)).

Существование большого числа определений инварианта само по себе не означает, что их авторы имеют фундаментально различные взгляды на видовую семантику. Большую роль здесь играет проблема метаязыка описания. К сожалению, почти все используемые термины могут пониматься по-разному. Это особо сильно влияет на восприятие определений, выражающих суть вида всего лишь одним признаком, типа 'законченность', 'предельность', 'точечность', 'целостность', 'смена ситуаций', 'секвейтность' и т.д. Подобные понятия бесспорно относятся к важным элементам семантики видов, но сами по себе они недостаточно точны или недостаточно общи, чтобы охватить

всю суть данной категории. У разных авторов эти термины часто а) имеют довольно различные толкования или б) используются намного шире (образнее), чем обычно. К первому случаю можно отнести споры о том, являются ли глаголы некоторых типов, такие как ‘посидеть’ или ‘повыситься’, предельными. Примером чересчур образного употребления термина может служить понятие ‘точность’ в применении к случаям типа *Такое положение просуществовало миллионы лет.*

Ряд указанных проблем, пожалуй, можно было бы избежать, подчеркнув особый статус данных слов как элементов метаязыка и дав обширный комментарий к тому, как их надо (или не надо) понимать. Однако, даже снабженные таким комментарием, данные понятия сами по себе все же останутся недостаточно емкими, чтобы с их помощью обобщать ту многогранность вида, которая все яснее вырисовывается в аспектологической литературе.

Вместо того, чтобы спорить, какое из отдельных предложенных до сих пор определений вышеупомянутого типа является самым правильным, нам кажется более плодотворным рассмотреть, нельзя ли их неким образом скомбинировать для получения более содержательного определения. Насколько нам известно, первые шаги в этом направлении были сделаны в академической ‘Русской грамматике’ (РГ 1980: 583), где предлагается своеобразное сочетание ‘предельности’ и ‘целостности’. По предложенному в РГ определению, автором которого является А.В. Бондарко, совершенный вид выражает “ограниченное пределом целостное действие”. Подобное определение, пожалуй, приемлемо как для представителей ‘московской школы’ аспектологии (Виноградов, Авилова), выдвигающих признак ‘предельность’, так и для представителей ‘ленинградской школы’, для которых основным признаком СВ является ‘(неделимая) целостность’ (Маслов, Бондарко (в более ранних работах)).

В диссертации автора этих строк (Барентсен 1985) сделана попытка прийти к еще более полному определению, с учетом работ ученых, предлагающих в качестве определяющего признака ту или иную разновидность понятия ‘секвентности’ или ‘смены ситуаций’ (Галтон, Гуревич, Барентсен (в более ранних работах) и др.). Поскольку данная работа была написана на языке довольно ‘экзотическом’ для большинства специалистов по русской аспектологии (см. Холвут 1988), этот подход фактически остался незамеченным. В надежде на возобновление интереса к проблемам определения инварианта видов предлагаем ниже изложение некоторых центральных элементов нашего подхода на русском языке.

2. Во избежание возможных недоразумений приводим сначала некоторые соображения более общего характера:

а) Мы не стремимся к универсальному определению совершенного и несовершенного вида, в духе работ Бернарда Комри (напр. 1976). Несмотря на интересные случаи сходства в употреблении определенных форм разных языков, чаще всего наблюдаются и более или менее значительные различия. Кроме того, место данных формальных различий в структуре разных языков может очень сильно отличаться. Поэтому нельзя ожидать, чтобы обобщающие формулировки семантической основы употребления форм разных языков полностью совпадали. Т.е. в нашем понимании инварианты обычно не являются универсальными, но скорее специфическими для каждого отдельного языка на определенной стадии его исторического развития. Тем не менее, следовало бы описание инварианта организовать таким образом, чтобы сходства и различия со значениями форм других языков проявлялись как можно яснее.

б) В грамматической литературе встречаются разные взгляды на то, что собственно входит в саму семантику форм. Известный польский исследователь Анджей Богуславский замечает по отношению к ряду пар фраз типа:

Вчера пришел он в институт...

Вчера приходит он в институт...

Он посетил ее несколько раз.

Он посещал ее несколько раз.,

что в них глаголы СВ и НСВ “семантически ничем не отличаются друг от друга” (1972: 229). С этим можно согласиться только, если мы намерены использовать термин ‘семантически’ очень узко (см. также критические замечания Гловинской (1982: 35)). Как и некоторые другие исследователи, мы предпочитаем другой подход. В нашем понимании данные фразы имеют один и тот же смысл, т.е. относятся (при соответствующем контексте) к одной и той же части внеязыковой действительности, но отличаются манерой ‘подачи’ этого смысла. Последние различия мы также относим к области языковой семантики. Это значит, что при описании ‘семантического содержания’ определенных форм или конструкций, мы требуем не только объяснения ‘реальных’, смысловых различий, которые могут существовать между сравниваемыми языковыми явлениями, но и различий, которые относятся всего лишь к ‘подаче’ соответствующего ‘положения вещей’. (О виде как ‘интерпретирующей категории’ см. также работу Шатуновского (1993: 60).)

в) Как и большинство исследователей, мы исходим из того, что в русском языке (как и в других славянских языках) разные случаи употребления СВ легче поддаются обобщению, чем все то, что относится к сфере остального, т.е. несовершенного вида. Это, однако, не означает, что мы намерены применить к НСВ понятие немаркированности в том виде, как его толкуют Якобсон (1932) или Форсайт (1970). По нашему мнению, при таком понимании немаркированности НСВ фактически лишается собственного значения, что плохо связывается с различными эффектами выбора видовой формы.

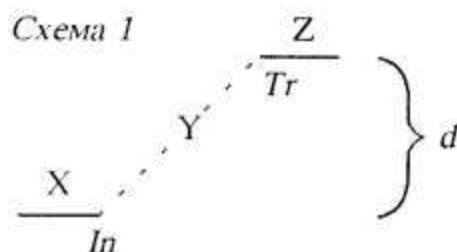
3. Итак, задача нашего анализа состоит прежде всего в том, чтобы сформулировать то общее, что можно обнаружить во всех употреблениях форм СВ современного русского языка. Далее следует, конечно, указать, каким образом представления, связанные с формами СВ, отличаются от представлений, выраженных формами НСВ.

Центральную роль в нашем определении инварианта СВ играет понятие '(неделимой) целостности' или 'комплексности', встречающееся и в работах многих выдающихся аспектологов. Хотя это понятие и имеет очень большое значение, для описания сути СВ русского языка оно само по себе недостаточно содержательно и его следует дополнить "с двух сторон". Во-первых, нужно уточнить, к чему это понятие относится, что именно представляется в целостном виде, а во-вторых, надо указать, что данное целостное явление своеобразно сочетается со своим окружением. Это значит, что в инварианте СВ можно различить три ступени, три 'слоя'. В этом комплексе понятие 'целостность' занимает среднюю ступень.

4.1 Первую ступень можно, с определенными оговорками, обозначить термином 'предельность'. В нашей диссертации (1985) и последующих работах мы предлагали выразить суть соответствующего понятия другими терминами, такими как 'единица действия', или 'дискретность'. Преимущество их мы видели в том, что они менее "испорчены", чем термин 'предельность', употребляемый у разных авторов по-разному. Однако, названные альтернативные термины также имеют определенные недостатки, так что нам кажется пока целесообразным вернуться здесь к более принятой терминологии. При этом следует только особо подчеркнуть, что 'предельность' имеет здесь более абстрактное значение, чем у исследователей, использующих данный термин только в тех случаях, когда можно сказать, что действие развивается до определенной критической

точки, по достижении которой оно должно исчерпать себя и прекратиться. Ключевыми понятиями в подобном определении являются ‘развитие’ (или ‘направленность (на внутренний предел)’ и ‘критическая точка’, т.е. необходимость прекращения действия. Поскольку эти понятия нельзя применить ко всем случаям употребления СВ, подобное, ‘узкое’ понимание предельности не может играть роль обязательного компонента значения всех глаголов СВ в русском языке. (См. критические замечания в работе Пруме (1983: 401).) Поэтому в качестве первой ступени семантики СВ можно использовать только предельность в широком понимании. Именно так употребляет этот термин в последнее время и А.В. Бондарко (1991: 198). (О различении универсального понятия ‘предельность’ и ‘специфической ‘предельности’ славянских языков” говорит и Ю.С. Маслов (1977: 26).)

4.2 В широком понимании ‘предельность’ предполагает включение представления об определенных пределах – разграничивающих точках – в само понятие действия. Таким образом действие приобретает определенную ‘дискретность’, т.е. выделяется из своего окружения (состоящего из предыдущей и последующей ситуаций). Поскольку эта дискретность интегрирована в само значение действия, предельное действие мыслится как своего рода ‘единица’, оно имеет определенные ‘контуры’. Символически это изображается изменением направления линий в схеме 1:

В данной схеме наклонная пунктирная линия Y представляет само действие, которое отделено от предыдущего состояния X и последующего состояния Z границами *In* ('initium' – начальная граница) и *Tr* ('terminus' (или 'transitus') – конечная граница). Поскольку понятие глагольного действия связано со временем, которое по своей природе однонаправлено, можно сказать, что действие идет от *In* к *Tr*. Особый статус элемента Y заключается в том, что именно к нему относится информация, включенная в граммемах категории 'Время'. (Когда мы, например, говорим, что действие локализовано до временного ориентира, это относится именно к элементу Y, но не обязательно и к элементу Z.)

Своеобразные отношения между тремя ситуациями X, Y и Z проектируются в самой сути действия, т.е. Y воспринимается как то, что 'трансформирует' ситуацию X в ситуацию Z. Соответствующие различия между этими ситуациями можно выразить некоторой величиной d ('differentia' или 'distantia').

4.3 Схема 1 очень легко применима к случаям предельности 'в узком смысле'. В качестве примера рассмотрим следующее предложение:

(1) *Сторож открыл ворота.*

Ситуация X имеет здесь признаки 'ворота закрыты' (или 'ворота не открыты'), ситуация Z имеет признаки 'ворота открыты', а действие сторожа (Y) представляется той активностью, которая ведет от X к Z.

При СВ 'единица' действия обязательно представляется целиком, т.е. конечная граница (Tr) мыслится достигнутой. Это вытекает из указанного выше (§ 3) присутствия в семантике совершенного вида признака 'целостность'. 'Целостность' означает, что определенная единица воспринимается целиком, без остатка. При предельном действии это может значить только, что действие воспринимается вместе с обеими его границами. Поэтому в примере (1) утверждается не только существование ситуаций X и Y, но и начало существования ситуации Z ('ворота открыты').

4.4 В то время как при СВ 'предельность' является обязательным признаком и всегда сочетается с 'целостностью', при НСВ отношения к этим признакам менее определены. Как известно, очень большое практическое значение видового противоположения заключается как раз в том, что при НСВ конечная граница действия не обязательно представляется достигнутой – она может оставаться в перспективе (ср. понятие 'потенциальный предел' в работе Бондарко (1991: 198)). Пример такого употребления глагольной формы НСВ (т.е. так называемого 'конкретно-процессного' или 'актуально-длительного значения') можно найти в следующем диалоге:

(2) А – А что в этот момент делал сторож?
Б – Сторож *открывал* ворота.

Интересно сравнить ответ Б со следующим предложением с другим глаголом НСВ:

(3) – Сторож *крутил* колесо.

Если нам известно, что сторож, открывая ворота, крутит какое-то колесо, мы могли бы сказать, что оба предложения относятся к одному и тому же факту внеязыковой действительности. Тем не менее оба представления, конечно, заметно отличаются друг от друга. В примере (2) обязательно присутствует мысль о ‘контурах’ действия – действие имеет определенную ‘перспективу’, мы знаем, куда оно ведет, к какому результату направлено. Во втором случае такой специфической связи с предшествующей и (предполагаемой) последующей ситуациями нет. Необходимость представления действия как переход (реальный или потенциальный) между двумя определенными ситуациями задается глаголом *открывать*, в то время как глагол *крутить* такого представления не дает. Различие по присутствию/отсутствию ‘предельности’ является очень важным критерием для классификации глаголов НСВ (или отдельных значений полисемических глаголов НСВ).

Проиллюстрированная на примерах (1) и (2) способность видового противопоставления выразить различие между представлением ‘процесса в своем развитии’ и представлением ‘действия как полностью реализованного процесса с определенным результатом’ является самым ярким и содержательным проявлением категории вида в русском языке. Между тем, как известно, такое противопоставление возможно не у всех видовых пар и этим далеко не исчерпывается функционирование русского вида. Как очень четко было показано в классической работе Ю.С. Маслова (1948), различные группы глаголов могут очень сильно отличаться друг от друга по своим способностям выражения данного различия. Это можно связать с существованием разных типов предельности. Подобные различия можно символически изобразить определенными модификациями схемы 1. Однако, какими бы различными ни были эти схематические изображения, в них остается самая основная черта схемы 1: во всех случаях обязательно присутствует своеобразная конфигурация трех ситуаций (X, Y и Z).

Чтобы проиллюстрировать широту того понятия ‘предельность’, которое можно рассматривать как необходимый компонент всех глаголов СВ, остановимся коротко на некоторых из этих разновидностей.

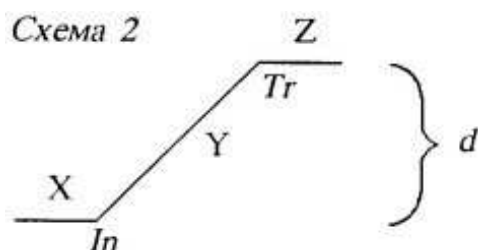
5.1 Важное различие между отдельными типами предельности заключается в степени ‘растяжимости’ ситуации Y (т.е. ‘самого действия’) во времени. Указанное в примере (1) действие *открыть ворота* легко допускает представление некоторой длительности.

Кроме того, здесь довольно ясно чувствуется оттенок определенного развития, постоянного накопления каких-то качеств (ворота раздвигаются все шире). Очень ясно этот элемент значения выступает в следующем примере, где он подчеркивается обстоятельством *постепенно*:

- (4) *Иван [...] постепенно добрался до того момента, как Понтий Пилат в белой мантии с кровавым подбоем вышел на балкон.* (Булгаков)

(На подобные случаи обращает внимание и А.В. Бондарко (1993: 245).)

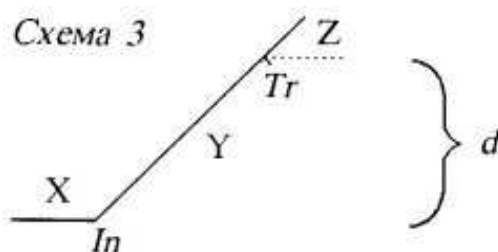
Изображая подобные случаи, мы лишь незначительно видоизменяем схему 1:

5.2 Как показывает схема 2, обычно достижение конечного предела заключается в том, что прекращается действие и наступает новое состояние. Однако, как иллюстрирует следующий пример, на самом деле действие может и продолжаться:

- (5) *Из бочки вытекло уже пол-литра вина, и оно все продолжает вытекать.*

Для изображения сути такого случая схему можно видоизменить следующим образом:

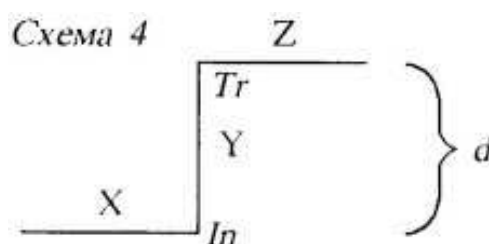
Здесь характерно то, что в момент *Tr* отдельное состояние с собственной длительностью не наступает. 'Ситуация' Z совпадает с моментом *Tr* и действие на самом деле продолжает развиваться. В таких случаях момент *Tr/Z* характеризуется тем, что он связывается с некоторой величиной изменения определенных параметров (здесь количество вина в бочке) по сравнению с тем, что характерно для X. В таких случаях обращается внимание не на какие-либо качественные

изменения между Y и Z, но на определенные количественные изменения между X и Z. Момент *Tr* воспринимается здесь как граница только потому, что для такого сравнения нужно в этот момент мысленно ‘остановиться’.

Подобные случаи являются для Гловинской главным аргументом, чтобы не считать предельность “универсальным свойством значения совершенного вида” (1982: 9). Это верно только тогда, когда предельность воспринимается в выше указанном (4.1) узком смысле, когда предел обязательно является ‘абсолютным’. Однако, в принятое нами более обобщенное определение предельности можно включить и разновидность с ‘относительным’ пределом, представленным в примере (5). Несмотря на более абстрактный характер предельности в широком понимании, это понятие, по нашему мнению, остается достаточно содержательным и поэтому вполне может служить основой для определения сути СВ в русском языке. (Термины ‘абсолютный’ и ‘относительный’ предел введены в работе Бондарко (1991: 198), см. также Мелиг 1992: 242.) Важно то, что и при данной разновидности сохраняется своеобразное соотношение элементов X, Y и Z, которое можно выразить величиной *d*. (В принципе возможны и такие случаи, где X имеет примерно такой же характер, как Z, но мы в такие подробности здесь вдаваться не будем.)

5.3 В случаях, рассмотренных выше, действие имело определенную, легко ощущаемую продолжительность. Однако, бывают и такие случаи, где Y не обладает признаками растяжимости во времени и внутреннего развития. Тогда глагол СВ воспринимается как обозначение ‘скачкообразного’ перехода. Для обозначения отсутствия временной протяженности самого действия мы в следующей схеме изображаем Y вертикальной линией:

Примером может служить действие, указанное глаголом *очутиться* в следующем предложении:

- (6) Он прошел Советскую улицу, вышел на Красноармейскую [...], пересек Кооперативную и снова **очутился** на Советской. (Ильф и Петров)

Такой характер самого действия (Y) типичен для глаголов разных групп начинательного СД. Сюда можно отнести и следующий случай:

- (7) *Удовлетворенный Остап, хлопая шнурками по ковру, медленно **пошел** назад.* (Ильф и Петров)

(Интересно отметить, что в этом примере обстоятельство *медленно* относится не к самому действию, т.е. к переходу Y из X в Z, но только к ситуации Z, которую можно описать при помощи глагола *идти*.)

5.4 Другое важное различие заключается во взаимоотношениях ситуаций X и Z. В предыдущих примерах признаки этих ситуаций заметно различались, но бывают случаи, когда между ними нет ощущаемых различий. Пример такого соотношения можно найти в следующем предложении с глаголом *сходить*, включающим в себя значения глаголов *пойти* и *вернуться*:

- (8) *Зида ни о чем не спросила. **Сходила** к соседям, принесла сало, вяленое мясо, лепешек, сварила яйца, достала сахар, конфеты, все хорошо завернула, сложила в холщовую сумку, с какими местные охотники отправляются в лес.* (Рыбаков)

Довольно характерно подобное соотношение для глаголов одноактного способа действия:

- (9) *Борис **махнул рукой**. – Все пропало! Ах, дурак я, дурак!* (Рыбаков)

Для схематического изображения такого соотношения исходную схему можно трансформировать в одну из следующих:

Схема 5

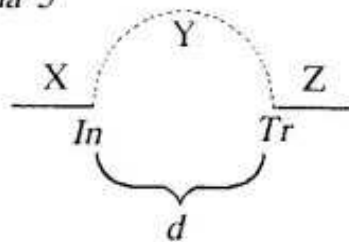
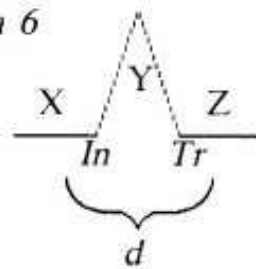

Схема 6

Обе схемы показывают, что определенное развитие, наблюдающееся после начальной границы, через какое-то время обращается назад и сводится на нет. Если нужно особо подчеркнуть кратковременность действия, характерную для глаголов одноактного способа действия, можно использовать схему 6.

Если к схеме 6 прибавить ‘срединное состояние’ заметной длины, получим символическое изображение действия, которое выражается глаголами делимитативного и пердуративного способов действия:

Схема 7а

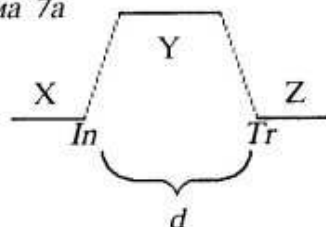
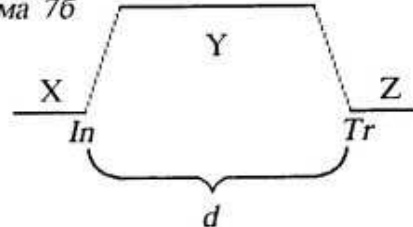

Схема 7б

Следующие предложения иллюстрируют употребление таких глаголов:

- (10) Конечно, он ей никто, **посидели** часок в ‘Национале’, прошивырнулись по Александровскому саду, **поболтали...** (Ильф и Петров)
- (11) – Почему?! – поразился Саша. – Он **три года** просидел в политизоляторе, голодал, вскрывал вены. (Рыбаков)

По отношению к последним разновидностям предельности следует подчеркнуть, что здесь особо важную роль играет языковое моделирование действительности. Сочетания *сидеть час*, *посидеть час* и *просидеть час* фактически не отличаются по ‘вещественному’ значению, но все же по-другому представляют данное явление. В первом сочетании (с глаголом *сидеть*) временные границы являются чисто ‘внешними’, вводятся в представление только словом *час*. В глаголах *посидеть* и *просидеть* представление о том или ином виде ограничения существования состояния ‘сидеть’ является частью лексического значения данных глаголов: эти глаголы обязательно представляют данное состояние в виде определенной ‘порции’, как некоторую ‘единицу’. При этих глаголах указание на временной протяженности является лишь уточнением величины этой порции. (Как известно, при пердуративном СД такое уточнение является обязательным, а при делимитативном СД факультативным.) Если сравнить определенные представления временного и пространственного планов, в духе работы Мелига (1992), данное различие можно изобразить следующим образом:

сидеть час – *посидеть/просидеть час*
полкило сыра – *головка сыра в полкило.*

(Интересно отметить, что в голландском языке понятие ‘головка сыра’ передается одним словом *kaasje*, производным уменьшительным от

слова *kaas* ‘сыр’. Этот тип словообразования является продуктивным – ср. и слова *brood* ‘хлеб’ и *broodje* ‘булочка’ – и в семантическом плане здесь наблюдается много общего с тем, что происходит у рассмотренного здесь типа глагольного словообразования в русском языке, т.е. образование делимитативного и пердуративного СД.)

5.5 Несмотря на то, что значения выделенных глаголов СВ в рассмотренных выше примерах заметно отличаются друг от друга – что находит выражение в разном содержании схем – данные различия можно рассмотреть как ‘вариации на одну тему’. Во всех случаях действие связано с определенными изменениями, которые позволяют отграничить само действие от своего окружения. При толковании данных глаголов нужно указать, в чем заключаются различия между тремя ситуациями X, Y и Z (символизируемое величиной *d*). Таким образом в представлениях, создаваемых любым глаголом СВ определенную роль всегда играют обе границы между этими ситуациями (*In* и *Tr*), хотя основное внимание и направлено на последнюю из них, т.е. на *Tr*.

Только такое, широкое понимание ‘предельности’ позволяет нам утверждать, что этот признак является обязательным компонентом значения всех глаголов СВ. В качестве символического изображения сути этого признака будем использовать схему 1. Следует только иметь в виду, что эту схему нужно воспринимать очень общенно: как было указано, нужно абстрагировать от длительности элементов X, Y и Z, от различий в ‘форме’ Y и от ‘вещественных’ различий между X и Z.

Особый статус признака ‘предельность’ для русского языка (и других славянских языков) отражается и в формальной структуре глаголов. Как известно, за очень редкими исключениями глаголы СВ содержат приставку (или суффикс *-n(y)-*). Само присутствие такого аффикса сигнализирует наличие предельности (см. также Брехт 1985). Различия в значении разных аффиксов следует описать в терминах определенных отношений между ситуациями X, Y и Z, различаемых в приведенных выше схемах. Наиболее отвлеченные и характерные типы таких значений обычно обсуждаются в рамках ‘способов действия’ (СД).

6.1 Как уже отмечалось, при СВ ‘предельность’ обязательно сочетается с ‘целостностью’. Поэтому могут возникнуть сомнения насчет необходимости различения этих понятий. Приводим несколько соображений в защиту такого различения:

а) При анализе разных случаев употребления противоположного вида (НСВ) признаки 'предельность' и 'целостность' также играют важную роль, но они здесь не обязательно выступают как комплекс.

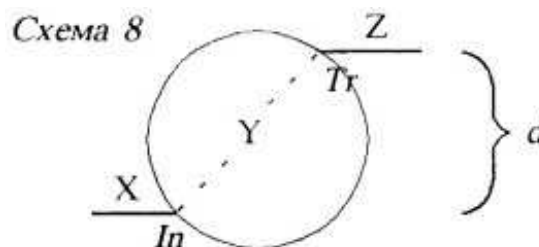
Во-первых, существует немалое количество глаголов НСВ, которые вообще не обладают признаком предельности. При анализе НСВ различение предельных и непредельных глагольных значений является как раз очень важным.

Во-вторых, при предельных глаголах одним из самых значимых проявлений видового противопоставления состоит как раз в том, что существуют случаи употребления глагола НСВ, где целостность как раз отрицается. (См. комментарий к примерам (1) и (2).)

В то же время нельзя утверждать, что НСВ всегда отрицательно относится к предельности, поскольку существует немало употреблений форм НСВ, где предельность и целостность выступают вместе.

б) Другое соображение относится к уровню метаязыка и сравнительной аспектологии. При сравнении фактов славянских языков с функционированием аспектуальных средств других языков проявляются довольно значительные различия по отношению к предельности. Оказывается, что в славянских языках предельность намного более лексикализована, чем сходные явления в ряде других языков. Одним из проявлений этого факта можно считать важное место, которое в славянских языках занимают способы действия, как лексико-грамматические разряды глаголов. В то время как в каждом славянском глаголе СВ характер соотношений ситуаций X, Y и Z строго определено, в формах других языков, которые считаются 'перфективными', восприятие данного типа предельности может быть более расплывчатым и зависимым от контекста. Можно указать на известный факт, что форма древнегреческого аориста глаголов типа 'царствовать' может обозначать не только переход в данное состояние ('стал царствовать'), но, при наличии обстоятельства длительности, и проведение целого периода в данном состоянии ('процарствовал столько-то лет').

6.2 Чтобы схематически изобразить спаянность предельности и целостности, характерное для СВ славянских языков, мы в схеме, изображающей предельность, обводим кругом ту часть, которая изображает само действие Y. Ср. схему 1 со схемой 8:

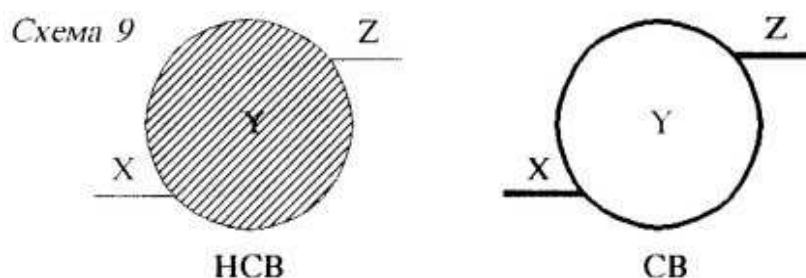
Эта схема отражает тот факт, что любая глагольная форма СВ включает в свое значение: 1) представление о действии (Y) как о 'пути', ведущей от X к Z, и 2) указание на то, что весь этот путь рассматривается целиком, что позволяет сделать вывод о возникновении ситуации Z. (О важной роли признака 'возникновение новой ситуации' см. работу Бондарко 1993.)

7.1 Рассмотренные выше (6.2) признаки, однако, еще недостаточны, чтобы полностью отличить значение СВ от значения НСВ. Хорошо известно, что в ряде случаев целостные предельные действия обозначаются при помощи формы НСВ. Следует различать по крайней мере два основных типа: с одной стороны, определенные случаи многократности (а именно 'неограниченно-кратного значения'), а с другой стороны, случаи без обязательной повторяемости. Имеются в виду прежде всего определенные случаи переносного употребления настоящего времени НСВ, как настоящее историческое (типа: *Приходит Иван и говорит...*), а также разные типы общефактического значения, как, например, 'общефактическое двуправленное' (*Утром открывали окно, а сейчас в комнате опять душно*) и 'экзистенциальный вариант результативного типа' (*Ты когда-нибудь разбивал ценную вазу?* (Падучева 1993: 64)). Давно известно, что в последних случаях речь часто идет явно о единичном действии с достигнутым пределом, т.е. имеется целостное представление предельного действия. Именно подобные факты дали повод к тезису о немаркированности НСВ (в якобсоновском понимании). Как известно, в таком понимании различие между русскими видами заключается в том, что СВ эксплицитно выражает определенный признак (целостность или достижение предела), в то время как НСВ не содержит никаких указаний на данный признак. Таким образом объясняется, что НСВ можно использовать как в случаях отсутствия, так и в случаях наличия признака целостности.

7.2 Нельзя отрицать существование соотношений типа 'маркированный – немаркированный' в значениях языковых единиц. Самые

яркие примеры такого противопоставления относятся к лексическому плану, как, например, между словом *ослица* (с указанием женского пола) и словом *осел* (без указания пола). Однако, по нашему мнению, значения противопоставленных членов морфологических категорий как правило различаются по-другому. Если оба противоположных члена такой оппозиции относятся к одному и тому же факту внеязыковой действительности, то они, в принципе, подчеркивают, “высвечивают” разные стороны данного факта, представляют этот факт “с разных сторон”. Это значит, что образы, связанные с тем или с другим членом противопоставления, различаются в качественном отношении, а не в количестве эксплицитно указанных признаков.

7.3. В применении к анализу видовой семантики это означает, что следует обратить особое внимание как раз на то, в чем различаются виды при обозначении единичного целостного предельного действия. В аспектологической литературе можно найти многочисленные высказывания об эффектах выбора вида в подобных случаях. По нашему мнению, они сводятся к тому, что при НСВ особо выделяется само действие, в то время как при СВ внимание обращается прежде всего на непосредственное окружение действия, на изменения, которые действие производит в этом окружении. Т.е. при НСВ в центре внимания находится *Y* (само действие, вплоть до своих границ), а при СВ действие представлено как звено между исходной ситуацией *X* и итоговой ситуацией *Z*. Здесь подчеркивается полный переход из *X* в *Z*. Данное различие мы попытались изобразить в следующей схеме:

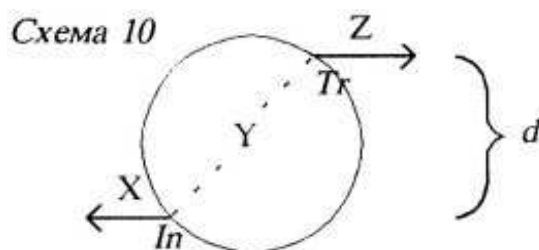
7.4 Свойство СВ русского языка обращать внимание на ситуации вне самого действия отражается во многих терминах, встречающихся в описаниях данного вида. Очень часто отмечается ‘результативность’, характерная для ситуации *Z* по отношению к *Y*. Однако, как известно, это понятие слишком узко для описания всех случаев СВ. Оно, например, трудно применимо там, где нет существенных различий между *X* и *Z* (см. выше схемы 1-7), или при относительной предельности, где *Z* не обладает определенной длительностью (см.

схему 3). Этими недостатками не страдает более абстрактное понятие ‘актуальность’, используемое Леманом (1984: 68). Однако, как и при ‘результативности’, внимание здесь обращается в основном на ситуацию Z, в то время как и ситуация X может играть определенную роль. Другой “недостаток” заключается в том, что по отношению к функционированию форм прошедшего времени СВ, понятие ‘актуальность’ легко применимо к случаям ‘перфектного значения’, но становится менее ясным по отношению к случаям ‘аористического значения’, где действие воспринимается как звено в цепи событий. Поэтому необходимо найти такое определение, которое точнее отражает представление о последовательности ситуаций X, Y и Z. Интересно определение Галтона, который видит суть СВ в “представлении временной последовательности” (1976: 11). Важный факт, что данные ситуации имеют определенные различия, яснее выражен в определениях, основанных на понятиях ‘изменение’ (напр. Гиро-Вебер 1990: 104) или ‘смена ситуаций’ (напр. Барентсен 1973: 35). Заслуживает внимания следующее определение, предложенное Шатуновским: “значение СВ представляет собой ‘цепочку’, соединение, своего рода конъюнкцию пропозиций [...], описывающих последовательные ‘состояния’ к.-л. фрагмента мира” (1993: 56).

По нашему мнению, это определение очень хорошо выражает суть СВ русского языка. Хотелось бы только более эксплицитно показать, какую роль при этом играют признаки ‘предельность’ и ‘целостность’. Поэтому мы и предлагаем вывести данное свойство СВ русского языка из воздействия отдельного, третьего признака на сочетание двух уже рассмотренных. Этот третий признак мы условно обозначаем термином ‘секвентная связь’. Его суть заключается в подчеркивании связей, которые целостное предельное действие имеет со своим окружением, через ситуации Z и/или X. Это значит, что эти ситуации, или хотя бы одна из них, совпадают с временными отрезками, определенным образом уже известными из контекста или речевой ситуации. Через ситуацию X действие может как бы “отталкиваться” от момента, расположенного до самого действия. В таких случаях обычно подчеркивается потенциальность возникновения действия Y. Через ситуацию Z действие “привязывается” к более позднему моменту, и таким образом этот момент характеризуется существованием ‘итогового состояния’ данного действия.

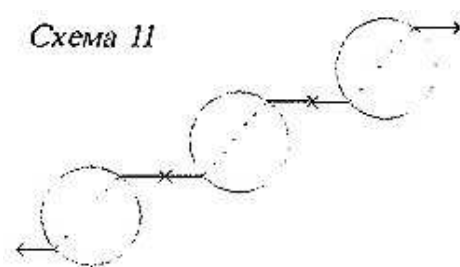
Наличие признака ‘секвентная связь’ в инвариантном значении СВ русского глагола мы схематически изображаем прибавлением стрелок к элементам X и Z предыдущих схем:

Стрелки указывают на то, что при интерпретации формы СВ всегда нужно искать какую-нибудь ситуацию, с которой можно ‘связать’ Z или X. Характер связи при X и Z различается и зависит еще и от характера “внешней” ситуации. Определенную роль при этом играет принадлежность данной глагольной формы к той или иной категории. Объем данной статьи не позволяет подробно рассмотреть разновидности проявления секвентной связи. В следующих параграфах мы лишь очень коротко укажем на некоторые из них.

8.1 Остановимся прежде всего на формах прошедшего времени. Обычно здесь различают ‘аористическое значение’ и ‘перфектное значение’. Это различие как раз и проявляется в разновидностях ‘секвентной связи’. Как известно, при ‘аористическом значении’ действия представляются как звенья в ‘цепи событий’. Это значит, что ситуация Z определенного действия связывается с ситуацией X последующего и т.д. Таким образом каждое очередное действие “готовит почву” для последующего действия. В схеме 11 изображена цепь из трех действий:

Приведенные выше примеры (6), (8) и (10) иллюстрируют подобное употребление форм СВ прошедшего времени. Данные случаи относятся к ‘нарративному типу’ употребления форм прошедшего времени, где действия представляются в своих взаимных отношениях. Поэтому в текстах такого типа различия между видами отражаются прежде всего в различных отношениях между действиями: формы СВ выражают следующие друг за другом элементы повествовательной линии, а формы НСВ обычно воспринимаются как отклонение от повествовательной

линии, как комментарий или как фон данной цепи событий или отдельных ее частей (Барентсен 1992: 14). (Ср. высказывание Виноградова: “Прошедшее время несовершенного вида не двигает событий” (1972: 440).) Этот факт легко объясняется тем, что при НСВ отсутствует или отрицается признак ‘секвентная связь’, т.е. действия, выраженные формами НСВ не “отгалкиваются” от предыдущих действий и не присоединяются к последующим действиям через свое ‘итоговое состояние’, но связываются более непосредственно: “наслаиваются” друг на друга.

Таким образом, в текстах нарративного типа виды играют очень важную роль в указании ‘таксисных отношений’ между действиями.

Данные различия в функционировании разных видовых форм хорошо иллюстрируются в следующем примере:

- (12) *Марка Александровича вызвали по фамилии. Через комнату, где работали секретари, он прошел в зал заседаний, увидел ряды кресел и людей в креслах. За столом президиума стоял Молотов.* (Рыбаков)

Функцию указания фона самым естественным образом выполняют те глаголы НСВ, корень которых выражает ‘состояние’ или ‘непрерывный процесс’ (см. в примере (12) *стоял* и *работали*). В русском языке подобные ситуации обычно могут включиться в цепь событий только тогда, когда с ними ассоциируются определенные элементы событийного характера. В таких случаях может особо выделяться возникновение данного состояния или оно воспринимается как определенная ‘порция’ действия, которую можно проработать. Поэтому начинательный и делимитативный способы действия играют большую роль в повествовательных текстах (см. примеры (7) и (10)).

Действия с ‘естественным пределом’ легче всего воспринимаются именно как звенья в цепи событий и в нарративных текстах они самым естественным образом представлены формами СВ. Однако, и такие действия иной раз выполняют функцию фона. Для указания этого и существуют (производные) формы НСВ. С их помощью соответствующие действия представляются не как “шаг вперед” в повествовании, а как “взгляд внутрь”, как дополнительная характеристика данной ситуации. В таких случаях либо описывается неопределенное повторение действия, либо обращается внимание на действие в своем развитии:

- (13) *Уж я заканчивал второй стакан чая, как вдруг дверь скрипнула, легкий шорох платья и шагов послышался за мной [...]* (Лермонтов)

(При последней разновидности употребления формы НСВ прошедшего времени отрицается не только признак ‘секвентная связь’, но и признак ‘целостность’.)

8.2 Перейдем к случаям ‘перфектного значения’. Этот вариант связан с ‘ретроспективным типом’ употребления форм прошедшего времени. Для этого типа характерно, что принимаются во внимание последствия действия для ситуации в центральной точке отсчета, в качестве которой обычно выступает момент речи (Барентсен 1992: 14). Признак ‘секвентная связь’ в таких случаях реализуется через подчеркивание наличия ситуации Z (т.е. ‘итогового состояния’) в этой точке отсчета. Это самая обычная функция формы прошедшего времени СВ в диалогах:

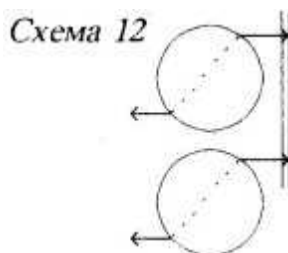
- (14) *ТАНЯ:* Хорошо. Сейчас проверим... Отвернитесь!
КОЛЕСОВ: **Отвернулся.** (Вампилов)

Из-за подчеркивания существования ситуации Z в момент речи смысл таких высказываний иногда очень близок к тому, что можно выразить формой настоящего времени НСВ (другого глагола). Ср. *я отвернулся* и *я стою к вам спиной*.

Как показывает следующий пример, данная точка отсчета может характеризоваться одновременно существованием нескольких ситуаций типа Z:

- (15) *Лошади **измучились**, мы **продрогли**. Дальше ехать не хотим.*

Каждая из ситуаций типа Z совпадает с одной и той же точкой отсчета, а расположение соответствующих ситуаций Z (т.е. самих действий) по отношению друг к другу остается невыраженным. Легко допускается интерпретация полного совпадения. Это выражается в следующей схеме:

Таким образом, таксисное отношение последовательности, столь важное и характерное для аористического значения и вытекающее из того, что в таких случаях “связываются” именно ситуация типа Z одного глагола с ситуацией типа X последующего глагола, при перфектном значении фактически отсутствует, поскольку здесь связь осуществляется только через ситуацию типа Z (и разные ситуации

такого типа сочетаются с одной лишь определенной точкой отсчета).

Перфектное значение проявляется ярче всего в случае диалогической речи, где точкой отсчета выступает момент речи. Однако, данная функция формы прошедшего СВ встречается и в повествовательных текстах. В таких случаях точка отсчета относится к прошлому: описывается состояние в какой-то момент в прошлом. Ср. (15) и (16):

- (16) *Нам должно было спускаться еще верст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтоб достигнуть станции Коби. Лошади **измучились**, мы **продрогли**; метель гудела сильнее и сильнее [...]* (Лермонтов)

Здесь формы СВ не “двигают события” – их итоговые состояния прибавляются к признакам, выраженным формами НСВ: ‘должно было спускаться’ и ‘метель гудела’.

8.3 Тот факт, что при ретроспективном типе употребления форм прошедшего времени СВ секвентная связь интерпретируется как указание на существование итогового состояния (ситуации Z) в точке отсчета, объясняет употребление соответствующих форм противоположного, несовершенного вида в тех случаях, когда такое указание невозможно (при ‘общефактическом двунаправленном’) или ненужно (при других разновидностях общефактического значения). В таких случаях употребления НСВ отрицается всего лишь признак ‘секвентная связь’, а признак ‘целостность’ может полностью сохраниться. Отрицание секвентной связи сосредоточивает внимание на само действие, а это легко воспринимается как указание на сам факт существования (в прошлом) данного действия (‘общефактическое экзистенциальное’) или на производителя действия или другие элементы, тесно связанные с характеристикой его протекания (‘акциональный вариант’ общефактического значения). (Об этом см. работу Падучевой (1993)).

9.1 При изолированном употреблении формы прошедшего времени СВ секвентная связь реализуется именно через ситуацию Z. Это вытекает из значения темпорального элемента. Граммема прошедшего времени указывает на расположение действия до временной точки отсчета, т.е. мы рассматриваем его с позиции более поздней ситуации, наш взгляд обращен назад. Таким образом, первый элемент, который возникает перед нашими глазами, это именно ‘итоговое состояние’ – ситуация Z, и поэтому связь совершенно естественно производится именно через эту ситуацию.

Как можно ожидать, при изолированных формах непрошедшего времени СВ связь происходит как раз через противоположную ситуацию – ситуацию Х. В таких случаях действие определенным образом “отталкивается” от ситуации в точке отсчета (момент речи): оно воспринимается как фактор, способный трансформировать данную ситуацию в новую ситуацию (Z). Поэтому в подобных контекстах эти формы воспринимаются как выражение будущего времени и они легко принимают тот или иной оттенок потенциальности:

- (16) *“Не стреляйте! – кричу я ему, – берегите заряд; мы и так его догоним”*. (Лермонтов)

В других случаях употребления форм непрошедшего времени СВ секвентная связь воспринимается прежде всего как отталкивание от некоторой данной ситуации, что способствует использованию этих форм для выражения возможной или необходимой реакции на предполагаемое событие:

- (17) *Если, например, бросить металлический шар в ящик с песком, он **илепнется и остановится***. (“Наука и жизнь”)

Стимул, который вызывает реакцию, может мыслиться как более или менее реальный, локализованный во времени, но возможна и более абстрактная интерпретация: при любом стимуле данного типа последует описываемая реакция. В таких случаях легко стирается грань между интерпретацией единичности и кратности. Поэтому не удивительно, что в русском языке данные видо-временные формы очень широко представлены в разных вариантах ‘наглядно-примерного значения’.

9.2 Формы русского императива сами по себе не содержат указания на расположение действия по отношению к определенной темпоральной точке отсчета. Как известно, при самых “центральных” типах употребления этих форм представлена та или иная разновидность побуждения по отношению к деятельности адресата. В таких случаях все же возникают определенные элементы темпоральности, а именно отношение действия к плану будущего времени: ведь реакцию адресата естественно ожидать только после употребления говорящим императива, т.е. после момента речи. Поэтому и при императиве СВ секвентная связь обычно осуществляется через ситуацию Х. Ситуация Х характеризует состояние в момент речи. Это положение, по мнению говорящего, следует изменить: он побуждает к трансформации ситуации Х в ситуацию Z:

- (18) *ВОЙНИЦКИЙ: **Оставь** меня. (Марине и Телегину.) **Уйди-те** отсюда, **оставьте** меня одного хоть на один час! Я не терплю опеки.* (Чехов)

Данная форма наиболее полно выражает желание говорящего при побуждении к единичному предельному действию, и поэтому она обычно воспринимается как более “нейтральная”, чем соответствующая форма НСВ. Как известно, выбор НСВ часто мотивирован тем, что представление о нужной перемене ситуаций каким-то образом уже дано в контексте или в ситуации. Выбирая форму НСВ, говорящий сосредоточивает внимание на само действие, а это воспринимается как предложение или разрешение приступить к осуществлению этого действия.

9.3 В предыдущих параграфах мы увидели, что характер грамматической формы может сильно влиять на манеру осуществления секвентной связи. В рассмотренных до сих пор формах важную роль играет присутствие или отсутствие указаний на другие действия. При изолированном употреблении глагольной формы СВ связь можно установить только с центральной точкой отсчета и она осуществляется только через одну ситуацию – Z (при формах прошедшего времени) или X (при формах не прошедшего времени или императива). Однако, в контекстах, где представлены другие глагольные формы того же типа, по возможности устанавливается связь “с двух сторон” (см. схему 11).

Однако, по нашему мнению, не все формы русского языка допускают подобную двустороннюю связь. Исключением, пожалуй, можно считать деепричастие СВ. Анализ функционирования этих форм показывает, что важной чертой, отличающей их от личных форм глагола, состоит как раз в том, что при деепричастии СВ секвентная связь осуществляется исключительно через итоговую ситуацию, т.е. ситуацию Z (Барентсен и Хиндрикс 1988: 29).

При сочетании с личной формой прошедшего времени СВ чаще всего ситуация Z деепричастия связывается с ситуацией X личного глагола. В таких случаях деепричастное действие воспринимается как предшествующее:

- (19) [Луков], ***достав** из бокового кармана своей промасленной куртки разводной гаечный ключ, решительно двинулся к самолету.* (Войнович)

Однако, нередко встречаются и такие случаи, в которых ситуация Z деепричастия связывается не с ситуацией X личного глагола, а с

соответствующей ситуацией Z. Т.е. к итоговому состоянию личного глагола прибавляются признаки итоговой ситуации деепричастия. В таких случаях и сами действия в той или иной мере совпадают:

- (20) *Потом Чонкин уморился, отошел и сел на лавку, **зажав** винтовку в коленях.* (Войнович)
- (21) *[...] Леша поспешино поднялся и стащил с головы картуз с оторванным козырьком, **обнажив** стриженную с начавшими отрастать волосами голову.* (Войнович)

Невозможность при деепричастии СВ осуществления секвентной связи через ситуацию X объясняет, почему эти формы не употребляются для указания на отдельное действие, целиком следующее за основным действием. По нашему мнению, те крайне редкие примеры, которые, казалось бы, противоречат этому правилу, нужно интерпретировать скорее как указание на некоторый “пучок” действий с общим результатом, чем как указание на последовательность действий. Ср. часто приводимый в литературе пример:

- (22) *Он бросил папироску на землю, **растоптав** ее двумя слишком сильными ударами ноги.* (Горький)

10. Мы надеемся, что сказанное в параграфах 8-9 дает хотя бы некоторое представление о характере признака ‘секвентная связь’ и о возможностях использования предложенной нами трехступенчатой модели видовой семантики при описании функционирования видовых форм русского языка. По нашему мнению, такая модель позволяет не только лучше выразить суть совершенного вида, но дает также более содержательную характеристику несовершенного вида. Во всех случаях употребления форм НСВ отрицается хотя бы один из трех вышеуказанных признаков СВ, начиная с самого верхнего – ‘секвентная связь’. Подобная отрицательная характеристика НСВ позволяет хорошо различать такие важные варианты, как употребление непарных (непредельных) глаголов НСВ, разные случаи нецелостности, а также случаи с целостностью. Несмотря на такую многогранность НСВ, все же можно увидеть здесь и одно постоянное качество: во всех этих случаях в поле зрения находится всего только одна ситуация, а не последовательность из трех ситуаций, как при СВ.

Рамки данной статьи не дают нам возможности рассмотреть еще целый ряд важных вопросов, таких как функционирование видов при разных типах повторяемости и при разных типах переносного употребления видовременных форм, что дало бы более полную картину сути данного подхода.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что предложенная нами модель предназначена первым делом для описания фактов русского языка. Как известно, кроме многого общего в разных славянских языках наблюдаются и значительные различия в функционировании видовых форм. Особенно хорошо это показано в недавно проведенном сопоставительном анализе некоторых типов употребления видовременных форм русского и чешского языков (Стунова 1993). По нашему мнению, эти факты указывают на то, что и инвариантное значение видов в разных славянских языках не совсем тождественны (ср. работу: Стунова 1991). Это еще один аргумент в пользу построения иерархической модели описания, с помощью которой можно яснее сформулировать сходства и различия. По нашему мнению, первые две ступени ('предельность' и 'целостность') представлены в значении СВ всех славянских языков, а различие заключается в том, что либо в других славянских языках отсутствует третий признак ('секвентная связь'), либо он имеет другой характер.

Universiteit van Amsterdam

ЛИТЕРАТУРА

- Барентсен, А.А. (Barentsen, A.A.)
 1973 "‘Вид’ и ‘Время’ в предложениях, содержащих слово *poka*", *Dutch Contributions to the Seventh International Congress of Slavists, Warsaw 1973*, 33–94. The Hague/Paris: Mouton.
 1985 'Tijd', 'Aspect' en de conjunctie *poka*. (*Over betekenis en gebruik van enkele vormen in het moderne Russisch.*) Amsterdam.
 1992 "Об обстоятельствах ограниченной кратности действия в русском языке. Часть I", *Studies in Russian linguistics* (= *Studies in Slavic and General Linguistics* 17), 1–66. Amsterdam: Rodopi.
- Барентсен, А.А. и Хиндрикс, Й.Х.
 1988 "Деепричастие и совершенный вид в современном русском литературном языке", *Dutch Contributions to the Tenth International Congress of Slavists, Sofia, Linguistics* (= *Studies in Slavic and General Linguistics* 11), 1–40. Amsterdam: Rodopi.
- Богуславский, А.
 1972 "К вопросу о семантической стороне глагольных видов", *Z polskich studiów slawistycznych. Seria 4, Językoznawstwo. Prace na VII międzynarodowy kongres slawistów*. Warszawa, 227–232.
- Бондарко, А.В.
 1991 "Предельность и глагольный вид (на материале русского языка)", *Известия АН СССР, Серия литературы и языка*, 50, 3, 195–206.
 1993 "Глагольный вид в высказывании: признак 'возникновение новой ситуации'", *Russian Linguistics* 16, 239–259.

- Брехт, Р. (Brecht, Richard D.)
1985 "The Form and Function of Aspect in Russian", *Issues in Russian Morphosyntax*, 9–34. Columbus, Ohio: Slavica.
- Виноградов, В.В.
1972 *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва: "Высшая школа".
- Галтон, Х. (Galton, Herbert)
1976 *The main functions of the Slavic verbal aspects*. Skopje.
- Гиро-Вебер, М. (Guiraud-Weber, M.)
1990 "Вид и семантика русского глагола", *Вопросы языкознания*, 1990, 2, 102–112.
- Гловинская, М.Я.
1982 *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. Москва: "Наука".
- Гуревич, В.В.
1971 "О значениях глагольного вида в русском языке", *Русский язык в школе* 32, (1971), 5, 73–79.
- Комри, Б. (Comrie, Bernard)
1976 *Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: University Press.
- Леман, Ф. (Lehmann, Volkmar)
1984 "Russischer Aspekt und sowjetische Aspektforschung", *Handbuch des Russisten*, 67–102. Wiesbaden: Otto Harrasowitz.
- Маслов, Ю.С.
1948 "Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке", *Известия АН СССР, Отд. лит. и языка*, 7, 4, 303–316.
1977 "Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет. II", *Вопросы русской аспектологии II* (= Уч. зап. Тартуского гос. унив. Выпуск 434), 23–46.
- Мелиг, Х.Р. (Mehlig, Hans Robert)
1992 "Пределность и неопределенность в пространстве и во времени. О фазовых способах действия в русском языке", *Slavistische Linguistik 1991* (= *Slavistische Beiträge* 292), 241–250. München: Otto Sagner.
- Падучева, Е.В.
1993 "Результативные значения несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное", *Вопросы языкознания*, 1993, 1, 64–74.
- Прюме, Х. (Proeme, Henk)
1983 "On terminativeness and aspect in Russian", *Dutch Contributions to the Ninth International Congress of Slavists, Kiev, Linguistics* (= *Studies in Slavic and General Linguistics* 3), 385–404. Amsterdam: Rodopi.
- Пупынин, Ю.А.
1990 *Функциональные аспекты грамматики русского языка: взаимосвязи грамматических категорий*. Ленинград.
- РГ
1980 *Русская грамматика. Том I*. Москва: "Наука".

- Стунова, А. (Stunová, Anna)
 1991 "In Defence of Language-Specific Invariant Meanings of Aspect in Russian and Czech", *Studies in West Slavic and Baltic Linguistics* (= *Studies in Slavic and General Linguistics* 16), 291–313. Amsterdam: Rodopi.
 1993 *A Contrastive Study of Russian and Czech Aspect: Invariance vs. Discourse*. Dissertation. Amsterdam.
- Тимберлейк, А. (Timberlake, Alan)
 1985 "Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке", *Новое в зарубежной лингвистике*, Вып. XV, 261–285. Москва: "Прогресс". (Ранее опубликовано на английском языке.)
- Форсайт, Дж. (Forsyth, J.)
 1970 *A grammar of aspect. Usage and meaning in the Russian verb*. Cambridge: University Press.
- Холвут, А. (Holvoet, Axel)
 1988 Рецензия работы Барентсен 1985. *Slavia orientalis*, 37, 3, 473–476.
- Шатуновский, И.Б.
 1993 "Семантика вида: к проблеме инварианта", *Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика*. 55–70. Москва: "Наука".
- Якобсон, Р.О. (Jakobson, R.O.)
 1932 "Zur Struktur des russischen Verbums", *Charisteria... Mathesio... oblata*, 74–84. Pragae.